92 6/86

92 6/86

Проф. А. Н. Савинъ.

ВОЙНА ИМПЕРІЙ

и

МІРЪ ИСЛАМА

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ

ТРУДЪ

417

МОСКВА.—1915.

Проф. А. Н. Савинъ.

92 6/86

ВОЙНА ИМПЕРІЙ

и

МІРЪ ИСЛАМА.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ.

ТРУДЪ

417

МОСКВА.
Типо-литографія Торг. Домъ И. Ефимовъ, Н. Желудкова и К°. Больш. Якиманка, д. 32.
1915.

e17

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

1258783 М

Война имперій и міръ ислама*).

I.

Въ теперешней войнѣ семь государствъ отражаютъ нападеніе трехъ государствъ. Борьба на морѣ ведется на трехъ океанахъ, борьба на сушѣ—въ трехъ частяхъ свѣта. И все-таки эта война по преимуществу *европейская* и только вторично передне-азіатская, дальневосточная и египетская. Активное участіе Японіи въ войнѣ кончилось съ паденіемъ Цзин-Дао; ея нахожденіе въ коалиціи семи государствъ имѣетъ большое значеніе особенно для Россіи, но главнымъ образомъ постольку, поскольку позволяетъ свободно пользоваться нашими славными сибирскими войсками. Среди шести европейскихъ союзниковъ одно государство крошечное и два небольшихъ. Въ основѣ своей настоящая война, поскольку она есть война европейская, есть оборонительная война тройственнаго согласія съ двойственнымъ союзомъ, съ претензіями нѣмцевъ и венгровъ стать полновластными хозяевами Европы. Тотъ, кто станетъ хозяиномъ Европы, еще не можетъ считать себя хозяиномъ всего міра. Внѣ Европы есть двѣ мощныхъ державы, слабо участвующія въ настоящей войнѣ: Японія и Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты. Въ близкомъ будущемъ внѣ Европы вполнѣ возможна и даже довольно вѣроятна война огромнаго размѣра и міровой важности, война за господство на Тихомъ океанѣ, война между Японіей и Сѣверной Америкой. Но все же великія воюющія теперь европейскія державы успѣли захватить огромную часть міра. Преобладаніе въ Европѣ ведетъ почти къ міровому преобладанію. Всѣ три державы тройственнаго согласія представляются мнѣ великими имперіями. Для Англіи это ясно. Но Францію даже нѣкоторые русскіе публицисты отказываются считать великою имперіей. Нужно рѣшительно возстать противъ такого мнѣнія. Имперіей слѣдуетъ называть большое и мощное государство съ сильнымъ національнымъ ядромъ, съ господствующей народностью, къ которой тянутъ обширныя, разноплеменныя территоріи. Въ имперіяхъ господствующая народность проявляетъ и закрѣпляетъ свою жизненность, свою экспансивность не столько въ грубомъ захватѣ, сколько въ мирномъ устроеніи иноплеменныхъ земель, въ умѣньѣ привязать колоніи къ себѣ, спаять

*) Публичная лекція, прочитанная въ Москвѣ *1 марта* 1915 года.

ихъ съ собою въ единое имперское цѣлое. Подлинно имперіалистическій народъ обладаетъ и умѣньемъ властвовать и умѣньемъ побѣждать сердца, понимать душу подвластнаго народа, до извѣстной степени приспособляться къ чужому быту. Одинъ изъ крупныхъ представителей подлинно-имперіалистической націи, Джонъ Морлей, въ качествѣ министра по дѣламъ Индіи, въ 1907 году говорилъ Палатѣ Общинъ: „Есть только одинъ способъ управлять людьми: надо входить въ ихъ шкуру, надо представлять себѣ ихъ чувства. Въ этомъ тайна управленія". Между господствующею народностью и народностями подчиненными завязываются разнородныя связи, и жизнь крупныхъ городовъ имперіи получаетъ имперскій, многонародный характеръ. Приложимо ли это опредѣленіе имперіи къ Франціи? У французовъ есть очень крѣпкое національное ядро. Изъ великихъ державъ Франція, если не считать Италіи, самая сплоченная, самая однородная по своему племенному составу. Она обладаетъ даромъ создавать колоніи. Когда Англія забрала себѣ старыя французскія колоніи, Франція легко создала себѣ въ XIX и XX вѣкѣ новую колоніальную имперію, и создала ее въ значительной мѣрѣ послѣ Седана. Воинственно настроенные нѣмецкіе патріоты, вродѣ Bernhardi, передъ войной приходили въ гнѣвное негодованіе при мысли о томъ, что позорно побитые въ 1870 г. французы создали себѣ великую колоніальную имперію, а имъ, побѣдителямъ, достались плохіе куски, и даже въ Марокко въ концѣ концовъ они, нѣмцы, потерпѣли дипломатическое пораженіе. Свое умѣнье привязывать къ себѣ, даже претворять въ себя французы обнаружили и въ Бретани, гдѣ нѣтъ и слѣдовъ непріязни къ господствующей народности, и въ Эльзасѣ, гдѣ они сумѣли въ короткое время насадить искренній французскій патріотизмъ и даже претворить многихъ нѣмцевъ въ французовъ. Правда, пренебреженіе къ Франціи имѣетъ за собою очень серьезное основаніе. Удѣльный политическій вѣсъ Франціи въ кругу великихъ державъ вотъ уже цѣлый вѣкъ идетъ на убыль вслѣдствіе очень грубаго и простого факта, вслѣдствіе остановки въ ростѣ населенія, того, что нѣмцы съ презрительною радостью зовутъ французскимъ вырожденіемъ. Для Англіи, Германіи, Россіи послѣднее столѣтіе отмѣчено чрезвычайно быстрымъ ростомъ населенія. Во Франціи населеніе росло несравненно медленнѣе, а въ послѣднія десятилѣтія ростъ почти совсѣмъ остановился. Я приведу всего 6 цифръ: послѣ франко-прусской войны во Франціи было 36 милліоновъ народа, въ Англіи 32, въ Германіи 41. По цензамъ 1910 и 1911 года во Франціи было $39^1/_2$, въ Англіи $45^1/_2$, въ Германіи 65. Въ 1871 г. населеніе Франціи составляло $^1/_3$ населенія трехъ государствъ, въ 1914 г. передъ войной только четверть. Въ 1871 г. противъ 36 милліоновъ францу-

зовъ стояло 40 милліоновъ нѣмцевъ. Въ 1914 г. противъ 40 милліоновъ французовъ стояли 70 милліоновъ нѣмцевъ. Если движеніе европейскаго населенія и впредь будетъ происходить въ томъ же направленіи, Франція можетъ спуститься въ разрядъ второстепенныхъ державъ. Но будетъ ли оно происходить въ томъ же направленіи? Это сомнительно. Въ Англіи и даже въ Германіи въ послѣднее время рождаемость понижается. И есть серьезныя основанія предполагать, что ростъ населенія въ Англіи и Германіи будетъ итти гораздо медленнѣе, чѣмъ до настоящаго времени. А затѣмъ Франція имѣетъ возможность создать значительную цвѣтную, колоніальную армію. Соперничество изъ-за колоній не есть только соперничество изъ-за рынковъ; оно есть также соперничество изъ-за солдатъ, о чемъ откровенно говорятъ нѣмецкіе генералы и политики.

Англія есть классическій примѣръ великой имперіи, ея имперскаго характера не нужно доказывать. Я подчеркну одно обстоятельство, которое у насъ не всегда принимается во вниманіе: даже европейская Англія есть своего рода имперія. Если вы спросите въ Англіи своего знакомаго англичанина, откуда онъ родомъ, вы часто услышите въ отвѣтъ: я шотландецъ, я уэльзецъ, я ирландецъ. Такъ называемая Англія представляетъ собою имперское сожительство четырехъ народовъ. Шотландцы, уэльзцы, ирландцы составляютъ, правда, немного больше одной четверти населенія Великобританіи и Ирландіи. И самоуправляющіяся колоніи поражаютъ неоднородностью національнаго состава. Въ Канадѣ рядомъ съ британцами довольно много людей французскаго происхожденія, а въ послѣдніе годы быстро умножающіеся эмигранты пестры по національному составу. Въ южно-африканской Уніи бѣлые составляютъ незначительное меньшинство, меньше $1^1/_2$ мил. и меньше четверти всего населенія; и эти $1^1/_2$ мил. распадаются на двѣ большихъ группы: на буровъ и британцевъ. Однообразенъ національный составъ населенія лишь въ Австраліи, гдѣ огромное большинство населенія британскаго происхожденія, и гдѣ, надо сейчасъ же прибавить, населеніе растетъ довольно медленно. Но, конечно, съ особою силою имперіалистическій характеръ Англіи раскрывается въ коронныхъ колоніяхъ, и прежде всего въ Индіи. Въ собственно Британской Индіи по цензу 1901 г. жило 230 мил. народу, а вмѣстѣ съ туземными государствами почти 300 мил., и изъ этого числа людей, родившихся въ Европейской Англіи, не было и ста тысячъ. Конечно, позади этихъ ста тысячъ стоятъ 45 мил. англичанъ, живущихъ въ Европѣ, стоитъ англійскій флотъ, стоитъ денежная и промышленная мощь Англіи. И все-таки удивительно, почти чудесно это господство ста тысячъ надъ тремя сотнями милліоновъ. Вотъ подлинно имперіалистическій на-

родъ, въ государственномъ геніи котораго такъ гармонично сочетаются властолюбіе и свободолюбіе, imperium et libertas.

Но есть ли имперія Россія? Начиная войну, многіе нѣмцы надѣялись, что при первыхъ же неудачахъ Россія распадется на свои плохо прислоненныя другъ къ другу составныя части. Они думали, что единство Россіи держится грубымъ насиліемъ великорусскаго меньшинства, ибо даже великоруссовъ и малороссовъ они считали двумя различными и не любящими другъ друга народностями. О полякахъ, финнахъ, евреяхъ, армянахъ, грузинахъ и разныхъ мусульманскихъ народностяхъ и говорить нечего: въ глазахъ такихъ нѣмцевъ всѣ эти угнетенныя народности нетерпѣливо ждали нѣмцевъ освободителей. Нѣмецкіе оптимисты горько ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Своимъ нападеніемъ они только выявили и укрѣпили единство многонародной Россіи. Въ первые же дни войны мы всѣ увидали съ полною ясностью, что въ Россіи преобладаніе русской народности сочетается съ всероссійскимъ патріотизмомъ народностей нерусскаго меньшинства. И какъ разъ съ нѣмецкой точки зрѣнія Россія должна теперь представляться классическою имперіею, въ которой великорусскому меньшинству удалось спаять многоплеменное большинство въ крѣпкое имперское цѣлое. Но съ ненѣмецкой, съ безпристрастной точки зрѣнія имперскій характеръ Россіи является гораздо менѣе яркимъ. Великоруссовъ, малороссовъ, бѣлоруссовъ надо считать вѣтвями одной господствующей народности, которая составляетъ, вѣроятно, около двухъ третей, то-есть значительное большинство всего имперскаго населенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средне-волжскаго и камскаго бассейна русскіе живутъ рядомъ съ тюрками, въ городахъ черты осѣдлости рядомъ съ евреями, въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ рядомъ съ нѣмцами. Но за этими тремя исключеніями, русскіе живутъ сплошной массой, болѣе чѣмъ въ сто милліоновъ, на огромномъ и сплошномъ пространствѣ. У Россіи совсѣмъ нѣтъ заморскихъ колоній; вся она состоитъ изъ одного куска. Ея военный флотъ невеликъ, ея торговый флотъ ничтоженъ для ея огромныхъ размѣровъ. Русскій хлѣбъ и лѣсъ, русская нефть и русское масло, русскій туристъ и русскій эмигрантъ, къ нашему стыду, плаваютъ обычно не на русскихъ корабляхъ. Россія есть пока страна почти чисто сухопутная. Но зато на многихъ окраинахъ — въ Польшѣ, Прибалтійскомъ краѣ, Финляндіи, Средней Азіи, Закавказьѣ—русскіе составляютъ ничтожную часть населенія. Эти иноплеменныя окраины очень пестры: среди нихъ есть и такая многоплеменная, какъ Закавказье, и такая однообразная по своему національному составу, какъ Финляндія; такая культурная, какъ прибалтійскія губерніи, и такая, какъ Закавказье, которому нужно

сдѣлать большія усилія, чтобы дойти до среднерусскаго уровня. На окраинахъ мы можемъ наблюдать и такую широкую автономію, какъ финляндская, и такое безусловное господство центральнаго правительства, какъ военное управленіе въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ. Что же мы такое? Многосоставная имперія или огромное національное государство съ незначительными сравнительно иноплеменными окраинными привѣсками? Ни то, ни другое. Россія есть дѣйствительно нѣчто sui generis, подобно Сѣверо-американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, либо особый съ имперіалистической точки зрѣнія типъ государства, либо государство еще не вполнѣ опредѣлившееся. Какъ ни велико численное, политическое, а отчасти и культурное преобладаніе русской народности въ Россіи, все же иноплеменное населеніе Россіи очень значительно, а на многихъ окраинахъ нерусскіе составляютъ огромное большинство населенія, которое неизбѣжно налагаетъ свою печать на всю мѣстную жизнь; оттого совокупность всероссійской жизни является многоцвѣтной и многогранной, свободной отъ того лжевеличаваго однообразія, которое оказалось великимъ зломъ для Германіи. Оттого Россія есть государство съ густымъ имперіалистическимъ налетомъ, я бы сказалъ даже: имперія съ чрезвычайно сильнымъ національнымъ ядромъ, и русскій народъ при всей своей отсталости есть народъ съ несомнѣннымъ имперіалистическимъ дарованіемъ. Тайна имперскаго строительства — умѣнье наладить отношенія между господствующею и подчиненными народностями. Тайна сія велика есть. Къ чести русскаго народа, мы имѣемъ право сказать, что національная рознь не обострилась до непримиримой и безысходной вражды даже тамъ, гдѣ отношенія между русскими и нерусскими сложились наименѣе дружественно. Насъ спасало отъ ужасовъ такой вражды какое-то имперіалистическое чутье. Мы какъ-то инстинктивно знали, куда можно и куда нельзя итти. Поляки русской Польши жаловались на политическій гнетъ. Но они не жаловались и не могли жаловаться на гнетъ экономическій и на русскую колонизацію. Русскій мужикъ и русскій баринъ никогда не посягали на ниву польскаго мужика; пруссаки, даже пруссаки лѣволиберальнаго направленія, смотрятъ съ вожделѣніемъ на самую избу польскаго хлѣбороба. Оттого польскій крестьянинъ боится и ненавидитъ нѣмца и не чувствуетъ ни страха, ни ненависти къ русскому пахарю. Оттого могъ раздаться освободительный призывъ Верховнаго Главнокомандующаго, оттого распутывается на нашихъ глазахъ роковой клубокъ русско-польскихъ отношеній, такъ недавно казавшійся безнадежно запутавшимся.

Не таково положеніе Германіи. Она является государствомъ въ высокой степени національнымъ. По переписи

1900 года на 52 милліона людей, назвавшихъ своимъ роднымъ языкомъ нѣмецкій языкъ, было всего только 4 милліона людей, не умѣвшихъ говорить по-нѣмецки. И нѣмцы не знаютъ, что имъ дѣлать съ этою четырнадцатою не-нѣмецкою частью населенія. Они предлагаютъ подданнымъ не-нѣмцамъ либо онѣмечиться, либо уйти. Во время войны нѣкоторые нѣмецкіе публицисты разоткровенничались: въ случаѣ побѣды они хотятъ выгнать прусскихъ поляковъ въ русскую Польшу, а прусскую Польшу заселить одними нѣмцами, обратить въ чисто нѣмецкую страну. Спору нѣтъ, однородность національнаго состава можетъ быть залогомъ большой политической крѣпости. Національная пестрота легко порождаетъ національную рознь внутри государства и поглощаетъ очень много силъ, задерживаетъ внутренній ростъ страны. На нашихъ глазахъ страны съ рѣзко однороднымъ національнымъ составомъ, какъ Данія, Швеція, Норвегія, живутъ здоровою жизнью. Но вѣдь это небольшія государства. Національная однородность легко можетъ стать зломъ въ большомъ и сильномъ государствѣ. Большому и сильному государству трудно, иногда даже опасно воздержаться отъ попытокъ къ расширенію территоріи, если соперничающія большія государства растутъ въ богатствѣ, военной силѣ, населеніи, территоріи. Но и помимо всякаго международнаго соперничества сильное государство съ быстро богатѣющимъ населеніемъ тянется къ захвату малокультурныхъ, особенно теплыхъ, тропическихъ и субтропическихъ территорій, чтобы получать дешевое сырье и обезпечить выгодный сбытъ для своей промышленности. Мы должны признать совершенно естественнымъ стремленіе нѣмцевъ создать себѣ великую колоніальную имперію. Но именно имперіалистическая политика Германіи обнаружила, какой нѣмцы въ своемъ себялюбіи, въ своей гордынѣ и въ жестокости трагическій, несчастный и заслуживающій сожалѣнія народъ.

Въ то самое время, какъ Англія, Франція, Россія создавали себѣ великія имперіи, раздробленная Германія вся ушла въ трудное дѣло своего внутренняго объединенія. А когда она объединилась, раздѣлъ внѣевропейскаго міра въ основныхъ чертахъ своихъ былъ законченъ: нѣмцы опоздали на колоніальную трапезу. Tarde venientibus ossa. Осенью 1912 г. въ Лондонѣ состоялась англо-германская примирительная конференція. Авторъ одного изъ нѣмецкихъ докладовъ горько жаловался, что у нѣмцевъ всего только $2^1/_2$ милліона квадратныхъ километровъ, а у Британской имперіи 31 милліонъ, и это все лучшія земли. Между тѣмъ позади объединившихся нѣмцевъ стояло славное религіозное, философское, литературное, художественное, научное прошлое. Нѣмцевъ опьяняли блестящія побѣды, вино Садовой и Седана надолго ударило имъ въ голову. Да они и дѣйствительно

были въ 1871 г. самою большою сухопутною силою во всемъ мірѣ. И раньше считавшіе себя первымъ въ мірѣ по культурѣ народомъ, глубоко оскорблявшіеся своею политическою приниженностью, они окончательно увѣровали въ свою несокрушимую мощь и въ свое культурное избранничество. Въ сорокъ лѣтъ благодаря объединенію и своимъ добродѣтелямъ—трудолюбію, дисциплинѣ, аккуратности, прилежанію къ наукамъ, настойчивости, организаторскимъ дарованіямъ, правда черезчуръ казарменнаго склада — они достигли необычайнаго, почти фантастическаго хозяйственнаго расцвѣта, совершенно американскихъ размѣровъ, и поддерживая огромную военную мощь на сушѣ, создали очень большой военный и торговый флотъ, стали серьезно мечтать о хозяйственномъ и военномъ одолѣніи владычицы морей. Достаточно сдѣлать два указанія. 1) Въ 1889 году ввозъ въ Германію и вывозъ изъ Германіи составляли вмѣстѣ 5 милліардовъ марокъ; въ 1912 году—19 милліардовъ. Даже внѣшняя торговля Сѣверной Америки росла не такъ быстро. Англійская и французская внѣшняя торговля за эти 25 лѣтъ выросли только вдвое. 2) Въ концѣ 1911 г. въ нѣмецкихъ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ числилось 20 милліоновъ книжекъ, на которыя было положено 16 милліардовъ марокъ. Въ Россіи и теперь цифра вкладовъ не дошла до двухъ милліардовъ рублей. Немудрено, что у нѣмцевъ закружилась голова отъ своихъ успѣховъ, и они съ удесятеренною болѣзненностью стали чувствовать свою колоніальную обдѣленность. Но на свою бѣду страстно потянувшіеся къ созданію великой имперіи, объединенные, безмѣрно разбогатѣвшіе и окрѣпшіе нѣмцы растеряли даже тѣ имперіалистическія привычки и дарованія, которыя имѣлись у нихъ до объединенія. Плохимъ имперіалистомъ былъ даже объединитель Германіи, „величайшій изъ нѣмцевъ“. При всей своей геніальности, онъ не могъ сбросить съ себя тѣснаго ему прусскаго мундира. Бисмаркъ служилъ гораздо больше Пруссіи, чѣмъ Германіи, правда самъ того не сознавая и даже успѣшно и безсознательно вводя въ заблужденіе почти всѣхъ нѣмцевъ, до нашихъ дней ему идолопоклонствующихъ, ослѣпленныхъ почти сказочнымъ военнымъ и дипломатическимъ торжествомъ. Въ объединенной Германіи сохранилось слишкомъ много прусскаго своеобразія. Но пруссаки находятъ, что его осталось слишкомъ мало. Прусскіе консерваторы семидесятыхъ годовъ осуждали Бисмарка за раствореніе Пруссіи въ Германіи, за тяжелыя раны, нанесенныя прусской самостоятельности. Бисмаркъ былъ смѣлъ, а не робокъ. Вѣрнѣе говорить не объ ошибкахъ, а о рокѣ, фатумѣ Бисмарка и Германіи. Германія, даже среди торжествъ и восторговъ объединенія, хранила на себѣ печать многовѣковой раздробленности. Тѣ самые прусскіе офицеры и ландраты, которые

стояли въ первыхъ рядахъ при объединеніи Германіи, помѣшали ей объединиться полно. Злополучная Германія не знала ночи 4 августа, и въ „Мысляхъ“ Бисмарка есть полная трагическаго для Германія смысла глава, которая зовется: Dynastien und Stämme. Бисмаркъ, самъ еще находившійся подъ обаяніемъ сепаратизма, выдвигаетъ по преимуществу его сильныя стороны. Но одинъ изъ его преемниковъ, v. Bülow (Deutche Politik, 1913) уже прямо говоритъ о тяжеломъ историческомъ наслѣдіи, объ отсутствіи у нѣмцевъ политическаго инстинкта, о томъ, что нѣмецкое объединеніе еще не скоро будетъ закончено. Свое объединеніе Германіи пруссаки купили цѣною ослабленія, униженія и отторженія Австріи. Австрійскіе нѣмцы превратились въ нѣмцевъ третьяго сорта. Разрывъ связи съ Reichdeutsche очень ослабилъ нѣмецкое вліяніе и усилилъ не-нѣмецкіе элементы въ Австріи и Австро-Венгріи; вѣдь даже въ Цислейтаніи нѣмцы по переписи 1910 года составляли немного больше трети всего населенія. Отторженіе Австріи было пагубно и для объединившейся, Бисмарковской Германіи. Въ этой Германіи пруссаки и лютеране получили безмѣрное преобладаніе надъ непруссаками и католиками, которые стали нѣмцами второго сорта. Почти всѣ вѣрующіе люди считаютъ свою вѣру лучшею, или даже единственною истинною вѣрою. Вѣрующій лютеранинъ преисполненъ сугубой національно-религіозной гордыни, ибо его вѣра есть нѣмецкая, Лютерова вѣра; идолопоклонство предъ Бисмаркомъ усугубляется идолопоклонствомъ предъ Лютеромъ. Лютеранство вредило нѣмцамъ не только своимъ націонализмомъ. Оно есть высокая форма христіанства. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно больше отвѣчаетъ духу современной культуры, чѣмъ другія христіанскія исповѣданія. Оно легко уживается съ успѣхами научнаго изслѣдованія, со свободою философствованія, даетъ просторъ своеобразію личныхъ религіозныхъ исканій. Но оно разрываетъ связь между религіей и жизнью. Оно даетъ низкую оцѣнку человѣческой природѣ, объявляетъ міръ лежащимъ во злѣ. Оно не вѣритъ въ земной градъ Божій. Религіозная задача—не преодолѣніе мірскаго зла, а уходъ отъ него въ личное богоискательство. Зло неустранимо, а насиліе даже есть благое воспитательное средство. Воинъ, судья, даже палачъ—орудія спасительнаго насилія. Особенно въ ортодоксальномъ лютеранствѣ суровыя стороны государственности находятъ себѣ религіозное оправданіе. Можно быть проводникомъ твердой, почти безжалостной политики насилія и добрымъ лютераниномъ. Въ дворянскихъ усадьбахъ померанскихъ реакціонеровъ, въ одной изъ которыхъ Бисмаркъ нашелъ себѣ благочестивую жену, шла напряженная религіозная жизнь, расцвѣталъ піетизмъ. Да и самъ поклонникъ крови и желѣза считалъ себя хорошимъ лютераниномъ. Лютеран-

ство въ многомъ отвѣтственно за удивившую многихъ нѣмецкую жестокость. Въ довершеніе бѣды объединенная Германія послѣ отторженія Австріи стала чисто нѣмецкою страною, національнымъ государствомъ огромной военной и хозяйственной мощи, высокой культуры и безграничной гордыни. У себя дома нѣмцы стали жить только съ нѣмцами, прислушиваться только къ нѣмецкимъ голосамъ, проникаться презрѣніемъ къ другимъ народамъ. Спору нѣтъ, нѣмецкая армія очень сильна и очень хороша, нѣмецкая промышленная техника достигла завидной высоты, нѣмецкій коммивояжеръ обнаружилъ удивительную настойчивость, назойливость и предпріимчивость, хорошій нѣмецкій профессоръ продолжаетъ быть хорошимъ руководителемъ молодежи. И все-таки самовлюбленность привела къ измельчанію нѣмецкаго духа, къ атрофіи самого высокаго имперіалистическаго дара, дара понимать и принимать чужую народную душу, атрофіи роковой, потому что нѣмцы захворали ею въ то самое время, когда твердо рѣшили построить великую имперію, стать первымъ народомъ Европы и даже всего міра. Нѣмцы, кажется, и теперь совершенно не понимаютъ того, что они больны. Упоенные и подавленные своимъ величіемъ, нѣмцы стали плохо представлять себѣ воздѣйствіе своихъ вожделѣній и своихъ насилій на чужія души, стали преувеличивать пороки своихъ соперниковъ, стали искренно считать торжество нѣмцевъ благомъ для всего міра, даже для поверженнаго соперника, и потому стали недооцѣнивать силу своихъ враговъ и ихъ неизбѣжное сопротивленіе. Даже такой значительный и долго жившій въ Баденѣ ученый, какъ Аншюцъ, видитъ только сильныя стороны нѣмецкой этнографической чистоты—сплоченность, единодушіе, монолитность—и не замѣчаетъ роковой изнанки.

Нужно однако быть справедливымъ къ этимъ гордецамъ. Самомнѣніе соединяется у нихъ со страхомъ. Нельзя считать простымъ лицемѣріемъ заявленія рѣшительно всѣхъ нѣмцевъ о томъ, что они защищаются, а не нападаютъ. Совершенно ошибочно, но повидимому совершенно искренне огромное большинство нѣмцевъ думаетъ, что на нихъ напали злыя державы тройственнаго согласія, злоумыслившія положить конецъ нѣмецкому величію. А кормчіе нѣмецкаго государственнаго корабля—кайзеръ съ другими нѣмецкими государями, канцлеръ, главные генералы и министры—были увѣрены, что, нападая, они начинаютъ предупредительную войну, что черезъ нѣсколько лѣтъ державы тройственнаго согласія непремѣнно напали бы на Германію при крайне опасной для нѣмцевъ обстановкѣ. На устахъ у нѣмцевъ—Einkreisungspolitik Эдуарда VII и Эдуарда Грея. Любитель психіатрическихъ кличекъ сказалъ бы, что нѣмцы хвораютъ одновременно и маніей величія, и страхомъ преслѣдованія,

въ формѣ la peur des coalitions. Спѣшу оговориться, что это только образы, сравненія. Я вовсе не утверждаю, что нѣмцы страдаютъ коллективнымъ психозомъ въ точномъ смыслѣ слова. Здѣсь есть какой-то порочный кругъ. Нѣмцы страшно усиливаются хозяйственно и военно и кичатся, бряцаютъ своею силою. Встревоженные сосѣди вступаютъ въ чисто-оборонительный союзъ, чтобы оградить себя отъ превращенія въ нѣмецкихъ вассаловъ. Тогда начинаютъ тревожиться нѣмцы, приписываютъ противникамъ коварно-наступательную цѣль и начинаютъ предупредительную войну. Чтобы перестать бояться, нѣмцы должны перестать пугать своею міровою супрематіей. Къ сожалѣнію, историческій опытъ указываетъ только на одно спасительное средство противъ самовлюбленной и пугливой задорности очень сильнаго народа—очень тяжелую военную неудачу, которой пока нѣмцы еще не испытали. Кажется, только этою страшною цѣною и могутъ вылѣчиться нѣмцы отъ своего страха предъ коаліціями. Нѣмецкая побѣда неминуемо приведетъ въ скоромъ времени къ новой антинѣмецкой коаліціи и къ новому нѣмецкому страху.

Въ случаѣ нѣмецкаго пораженія однимъ изъ благихъ его послѣдствій можетъ быть установленіе болѣе правильныхъ отношеній между Германіей и Австро-Венгріей. Можно считать высоко вѣроятнымъ, что послѣ войны австрійскіе нѣмцы тѣсно сблизятся съ остальными нѣмцами, каковъ бы ни былъ исходъ войны. Но это сближеніе въ случаѣ нѣмецкой побѣды будетъ совсѣмъ не такимъ, какъ въ случаѣ нѣмецкаго пораженія. Если нѣмцы возьмутъ верхъ въ войнѣ, австрійскіе нѣмцы останутся въ томъ же жалкомъ и вредномъ для насъ, да и для самихъ нѣмцевъ, положеніи бѣдныхъ, опустившихся родственниковъ, пѣшекъ въ злой шахматной игрѣ сѣверныхъ нѣмцевъ, въ какомъ они находятся теперь. Дразня ихъ чарующей грезой, маревомъ великой австрійской имперіи на Балканахъ, Reichsdeutche гонятъ ихъ на востокъ и дѣлаютъ ихъ послушнымъ орудіемъ своей политики. Если бы только австрійскія пораженія уравновѣшивались нѣмецкими удачами, я думаю, хозяева теперешней нѣмецкой имперіи радовались бы австрійскому разгрому, который закрѣпилъ бы полновластіе сѣверныхъ нѣмцевъ въ грядущей всенѣмецкой имперіи, заставилъ бы оскудѣвающихъ Габсбурговъ окончательно и раболѣпно склониться передъ высоко вознесшимся Цоллернами. Въ теперешнемъ австро-германскомъ союзѣ почти всѣ невыгоды на сторонѣ Австріи и почти всѣ выгоды на сторонѣ Германіи. Съ австрійцами Reichsdeutche считаются мало, считая ихъ обреченными вращаться малымъ спутникомъ вокругъ сѣвернаго нѣмецкаго солнца. Зато нѣмцы оказываютъ много вниманія венгерцамъ, своимъ важнымъ союзникамъ противъ строптивыхъ

славянъ, соединительному звену между Германіей и нѣмцелюбивою Турціей. Вотъ почему теперешнюю коалицію двухъ имперій слѣдуетъ звать Венгро-Германіей. Но если бы сближеніе австрійскихъ нѣмцевъ съ имперскими нѣмцами состоялось послѣ тяжелыхъ прусскихъ неудачъ, оно могло бы влить новую струю въ нѣмецкую жизнь. Австрійцы умножили бы собою ряды нѣмцевъ - католиковъ; число нѣмцевъ-католиковъ почти сравнялось бы съ числомъ лютеранъ. А усиленіе католичества содѣйствовало бы ослабленію народной гордыни. Каковы бы ни были слабости римскаго католичества, онъ несомнѣнно есть религія сверхнаціональная и постольку облегчаетъ пониманіе чужой души. Австрійцы усилили бы вліяніе нѣмецкаго юга, все же болѣе задушевнаго, менѣе жесткаго и болѣе смирнаго уже вслѣдствіе длиннаго ряда пережитыхъ имъ за послѣднія десятилѣтія неудачъ. И если бъ дѣйствительно удалось поставить мощную преграду нѣмецкому Drang nach Osten и Drang nach Westen, хищнымъ порывамъ къ онѣмеченію и порабощенію славянъ и бельгійцевъ, можетъ быть прученные нѣмцы успокоились бы, усѣлись бы у себя дома. Вѣдь они во всякомъ случаѣ останутся очень большимъ и очень сильнымъ народомъ, а при своемъ трудолюбіи и образованіи постепенно станутъ вновь и очень богатымъ народомъ. Смириться имъ очень трудно. Но кто знаетъ, вынужденный отказъ отъ жестокой мечты быть игемономъ міра со-временемъ можетъ стать искреннимъ. Тогда онъ не помѣшаетъ, а поможетъ смирившемуся нѣмцу создать въ себѣ подлинно имперіалистическій духъ и при благопріятныхъ условіяхъ даже подлинную имперію, конечно вовсе не всемірную, но одну изъ великихъ имперій. А что, если нѣмцы не смирятся, не забудутъ о гордой мечтѣ властвовать надо всею Европою, не научатся уважать чужое національное достоинство? Тогда... Я думаю, тогда ихъ постигнетъ обычная участь тѣхъ, которые ничему не научаются и ничего не забываютъ. Тогда, я думаю, они не создадутъ никакой имперіи.

II.

У нѣмцевъ есть еще союзникъ и союзникъ—съ имперіалистическими притязаніями. Но свою имперію онъ хочетъ скрѣпить не тѣмъ, чѣмъ созидаютъ и скрѣпляютъ ее теперешніе европейцы. Турки хотятъ быть великой имперіей ислама. Ближній Востокъ привноситъ въ великую войну несомнѣнную примѣсь религіозной борьбы. Правда, нѣкоторые русскіе философы и въ европейской войнѣ увидали войну религіозную. Въ ихъ рѣчахъ много краснорѣчія и чувства, но мало убѣдительности; къ нимъ проникаешься сильнымъ недовѣріемъ сейчасъ же, какъ припоминаешь, кто съ кѣмъ воюетъ.

Глубоко православная въ своей русской основѣ, но въ то же время многовѣрная въ своей многоплеменности и даже въ русской основѣ своей отчасти старовѣрческая и сектантская Россія воюетъ въ тѣсномъ союзѣ съ полукатолической, полувольтерьянской Франціей, полуангликанской, полукальвинистской Великобританіей и католической Ирландіей и въ значительно менѣе тѣсномъ союзѣ съ языческой Японіей. Наши враги—почти чисто-католическая Австро-Венгрія, на двѣ трети лютеранская, на одну треть католическая Германія, мусульманская Турція. И всего ближе къ нашимъ врагамъ пододвигается православная, но забывчивая и близорукая въ своей некрасивой и мнимой трезвости Болгарія. Тянетъ къ нимъ и правительство православной Румыніи. А раздавшіяся въ русской Государственной Думѣ слова о русскомъ Царьградѣ и первые англо-французскіе выстрѣлы въ Дарданельскихъ водахъ съ волшебной внезапностью отбили у православной Греціи память о своемъ единовѣріи съ Россіей. Какая причудливая, капризная пестрота въ томъ и другомъ станѣ! И если тяга къ св. Софіи есть всероссійская мечта нашихъ дней, то и здѣсь трудно объяснять ее всецѣло православною ревностью. Ай-Софія станетъ святою Софіей и въ греческихъ, и въ болгарскихъ, и въ сербскихъ рукахъ. Если мы мечтаемъ о св. Софіи и въ непремѣнной связи съ нею о проливахъ, то самыя искреннія и задушевныя мечты о торжествѣ православія сплетаются съ непреложными требованіями великодержавной морской мощи и экономическаго возрожденія Россіи. Но именно во имя этихъ непреложныхъ требованій, мы и въ своихъ мечтахъ должны быть политичны и сдержанны, мы не должны предварять событій, мы должны взвѣшивать каждое свое слово. Религіозные контрасты несомнѣнно имѣются въ азіатской войнѣ. Но ничто не угрожаетъ исламу, какъ религіи; мусульмане отстаиваютъ не свою религію, а политическую самобытность тѣхъ государствъ, въ которыхъ ихъ религія является государственной. Религіозная ревность перепутана у мусульманъ съ имперіалистическими тяготѣніями и національными противоположностями. На Ближнемъ Востокѣ положеніе очень сложно. И для русскихъ очень важно хоть сколько-нибудь уяснить себѣ эту къ сожалѣнію очень плохо знакомую намъ сложность, потому что въ ближневосточныхъ дѣлахъ мы кровно заинтересованы не меньше, а больше всѣхъ другихъ державъ.

Въ жизни современнаго ислама есть удивительныя противорѣчія. Исламъ, какъ вѣра, дѣлаетъ въ Азіи и особенно въ Африкѣ непрерывные и большіе успѣхи; исламъ, какъ политическая сила, неуклонно идетъ на убыль.

Восторженный проповѣдникъ грядущей мусульманской культуры, виднѣйшій изъ модернистовъ ислама, петрогра-

децъ Муса Бигіевъ насчитываетъ мусульманъ чуть не 400 милліоновъ душъ. Это сильное преувеличеніе. Число мусульманъ осторожнѣе принимать близкимъ къ 250 милліонамъ. Только въ англійской Ост-индіи мусульманъ болѣе 60 милліоновъ. Въ предѣлахъ Россійской имперіи живетъ около 20 милліоновъ мусульманъ. У турецкаго султана подданныхъ мусульманъ немногимъ больше, чѣмъ у русскаго императора, едва ли больше 25 милліоновъ. По числу подданныхъ—мусульманъ, если считать Марокко, Франція есть вѣроятно болѣе значительная, Англія безмѣрно болѣе значительная мусульманская держава, нежели Турція. У Голландіи на Зондскихъ островахъ подданныхъ—мусульманъ больше 30 милліоновъ. Политическая власть халифа распространяется на какую-нибудь десятую часть мусульманскаго міра. И все-таки Турція есть величайшее изъ самостоятельныхъ мусульманскихъ государствъ и въ качествѣ такового обладаетъ большимъ обаяніемъ въ мірѣ ислама. На султана константинопольскаго обращены взоры правовѣрныхъ не только какъ на халифа, но и какъ на самаго сильнаго изъ мусульманскихъ государей. Память о недавней имперской мощи Турціи есть предметъ исторической гордости для всѣхъ правовѣрныхъ. Обрушившіяся на Турцію за послѣдніе годы несчастія вызываютъ печаль, сочувствіе, желаніе помочь далеко за предѣлами Турціи. Въ триполитанскую войну 1911 года и балканскую войну 1912 года въ Стамбулъ стекались пожертвованія изъ далекихъ угловъ мусульманскаго міра. Теперь взятые въ плѣнъ подъ Саракамышемъ и Караургапомъ турецкіе офицеры заявляютъ русскимъ интервьюерамъ на Кавказѣ, будто и въ 1915 году, въ Стамбулъ притекаетъ непрерывная волна всемусульманскихъ пожертвованій. Въ безчисленныхъ милліонахъ ислама несомнѣнно есть представленіе о нѣкоторомъ единствѣ всѣхъ правовѣрныхъ, живетъ желаніе притти на помощь слабнущимъ турецкимъ братьямъ. Немудрено, что у энтузіастовъ и оптимистовъ ислама нерѣдко зажигалась мечта о болѣе тѣсномъ объединеніи всего мусульманскаго міра. Вспыхивала и гасла. Но зажигалась и зажигается вновь. Рядомъ съ панславистами, рядомъ съ Alldeutsche несомнѣнно существуютъ и панисламисты. Въ ихъ существованіи раскрывается сила религіозныхъ началъ въ мірѣ ислама. Уже давно прошла та пора, когда можно было хотя бы только мечтать о тѣсномъ политическомъ единеніи всѣхъ христіанъ. Уже давно прошла та пора, когда можно было мечтать о единеніи всѣхъ римскихъ католиковъ, всѣхъ кальвинистовъ, всѣхъ лютеранъ. И новый папа, умѣренный и аккуратный блюститель нейтралитета Бенедиктъ, не могъ добиться того, чтобы военныя дѣйствія пріостановились всего только на первый день святокъ. А у мусульманъ арабское слово „миллетъ“ все еще означаетъ и общину вѣрующихъ и

народъ. Всѣ тѣ, которые повѣрили въ бывшее Мухаммеду откровеніе, тѣмъ самымъ сопричисляются къ избранному народу Божію, единство котораго должно находить себѣ извѣстное выраженіе и въ политической жизни.

Но и у мусульманъ политическое сближеніе на почвѣ религіознаго единства есть только благочестивая мечта. Первымъ горячимъ апостоломъ новаго панисламизма былъ умершій въ 1896 году Seyyed Djemâl ed-Dîn El-Afghâni. Это былъ оперсившійся афганецъ и шіитъ, отщепенецъ ислама, у котораго среди двухсотъ милліоновъ тогдашнихъ мусульманъ едва ли было больше 10 милліоновъ единовѣрцевъ. Мусульманскій міръ терзается религіозными распрями, разбивается на разобщенныя, отчужденныя рѣзкими религіозными различіями группы. Среди многихъ благопріятныхъ для русскаго владычества условій закавказской жизни важное мѣсто принадлежитъ тому, что этнографически очень близкіе къ оттоманскимъ туркамъ тюрки Азербейджана и отчасти нашего восточнаго Закавказья отгорожены отъ нихъ религіозною рознью, своимъ шіитствомъ. Въ прошломъ и настоящемъ ислама немало жизни и движенія, религіозныхъ возрожденій, и слѣдовательно розни, расколовъ. Міръ ислама отнюдь не есть царство строгаго религіознаго единства. Даже въ Малой Азіи среди мусульманъ немало разновѣрія, сектантства. Немало его въ Сиріи. Сектантскія движенія нерѣдко находили благопріятную почву въ явныхъ и тайныхъ религіозныхъ братствахъ и союзахъ, „тарикахъ“, которыми такъ богатъ міръ ислама. Въ послѣдніе годы и даже въ послѣднія недѣли въ газетахъ часто упоминаются сенуситы, которыхъ зовутъ самыми опасными врагами итальянцевъ въ Триполи. Я боюсь, многіе читатели газетъ считаютъ ихъ особымъ племенемъ или группою племенъ. На дѣлѣ это очень вліятельное и очень широко раскинувшееся по сѣверной Африкѣ и особенно по центральному Судану религіозное братство старовѣрческаго духа, возникшее лѣтъ 80 тому назадъ и названное по своему основателю, es Senoussî. Сенуситы вовсе не самые воинственные мусульмане Африки; воинственнѣе ихъ тоже широко раскинувшееся братство „Тидшанійе“, которое является значительной силой въ западномъ Суданѣ и въ Марокко; но въ Алжирѣ тидшаниты живутъ въ мирѣ съ французами.

Національная рознь въ мірѣ ислама еще сильнѣе религіозныхъ расхожденій. Послѣдователи пророка принадлежатъ къ очень далекимъ другъ отъ друга народностямъ, которыя не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого общенія помимо религіознаго. Что общаго между башкирами и яванцами, между персами и фульбе западнаго Судана? Если даже мы возьмемъ огромную срединную часть мусульманскаго міра— Ближній Востокъ, наши среднеазіатскія владѣнія и сѣвер-

ную Африку, то и здѣсь мы найдемъ рѣзкую національную и культурную двойственность. Міру арабскому рѣзко противостоитъ міръ тюркскій. И я еще упрощаю положеніе: есть третья, персидская культурная струя, въ китайскомъ Туркестанѣ ученымъ языкомъ мусульманъ является персидскій и мало кто знаетъ по-арабски. Тюрки не могутъ отвернуться отъ арабской культуры, ибо исламъ есть арабское дитя. Арабскій языкъ есть священный языкъ Корана, языкъ многовѣкового мусульманскаго богословія. Въ наши дни мусульмане-модернисты усердно хлопочутъ передъ высшимъ мусульманскимъ духовенствомъ объ офиціальномъ разрѣшеніи перевести Коранъ на тюркскіе языки и все еще не получили этого разрѣшенія. Образованные люди арабской культуры, которая захватила помимо Аравіи Суданъ, значительную часть Ирана, Месопотамію, Сирію, сѣверную Африку, все еще считаютъ себя аристократами ислама и сверху внизъ смотрятъ на тюрковъ. Но тюркская гордость еще кичливѣе арабской. Какъ разъ наши дни отмѣчены необыкновеннымъ подъемомъ національнаго или расоваго самосознанія у образованныхъ тюрковъ. Мы присутствуемъ при пышномъ расцвѣтѣ пантюркизма, отчасти даже пантуранизма. Русскіе должны внимательно присматриваться къ этому движенію, потому что большинство русскихъ мусульманъ—тюрки, и русскимъ мусульманамъ принадлежитъ видное мѣсто въ горячей пантюркистской проповѣди.

Османскіе турки, рядъ народностей Малой Азіи, татары Крыма, Азербейджана, восточнаго Закавказья, Прикамья и Пріуралья, башкиры, киргизы, кумыки, туркмены, сарты, цѣлый рядъ народностей Сибири говорятъ на довольно близкихъ другъ къ другу языкахъ, которые объединяются лингвистами въ одну турецко-татарскую семью. Проповѣдники пантюркизма зовутъ всѣ эти народности тюрками, откуда и самое слово пантюркизмъ. Не только пламенные пантюркисты, но и ученые языковѣды указываютъ на большую взаимную близость тюркскихъ языковъ. Оттого нельзя назвать совершенно безпочвенными настойчивыя стремленія нѣкоторыхъ пантюркистскихъ писателей создать общетюркскій литературный языкъ. Надъ созданіемъ такого языка всего больше работалъ недавно умершій бахчисараецъ Измаилъ бекъ Гаспринскій, издатель газеты „Терджиманъ“. Мусульманскій модернистъ, петроградецъ Муса Бигіевъ, пытается писать безъ примѣси арабскихъ и персидскихъ словъ и на такомъ языкѣ, который былъ бы понятенъ для огромнаго большинства мусульманъ въ Россіи и Турціи. Главный пантюркистскій журналъ, „Тюркъ Юрду“, „Тюркскій Міръ“, издавался въ Константинополѣ казанскимъ татариномъ Юсуфомъ Акчура-Оглу или Акчуринымъ. Видными сотрудниками журнала были Ахмедъ Агаевъ и Хусейнъ-Заде, изъ которыхъ

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

одинъ кончилъ курсъ въ московскомъ, а другой въ петроградскомъ университетѣ. Пантюркисты мечтаютъ о сближеніи разобщенныхъ тюрковъ, которыхъ они, съ большимъ преувеличеніемъ, насчитываютъ до 70 милліоновъ. Литературные вожди пантюркизма гордятся будто бы славной исторіей тюрковъ, хотятъ привить свои историческіе восторги всѣмъ теперешнимъ тюркамъ и въ любви къ великому тюркскому прошлому найти опору для грядущаго тюркскаго возрожденія. Но пантюркисты не довольствуются объединеніемъ тюрковъ. Они вѣрятъ, что тюркскіе народы находятся въ близкомъ родствѣ съ угро-финнскими народами, составляютъ вмѣстѣ съ ними одну великую туранскую расу. Пантюркизмъ расширяется въ пантуранизмъ. Ученые лингвисты считаютъ мнѣніе о близкомъ родствѣ тюрко-татарскихъ и угро-финнскихъ языковъ совершенно недоказаннымъ. Но пылкіе пантуранисты этимъ не смущаются. Они объявляютъ тюрко-туранцевъ высшею человѣческою расою: она таитъ въ себѣ неизсякаемый источникъ энергіи для всего востока, а можетъ быть и для всего человѣчества. Величайшіе государи Китая, Индіи, Египта были тюркской крови. Пантюркисты выступаютъ съ восторженными гимнами Чингису. Европейцы изъ ненависти оклеветали раздавившаго ихъ Чингиса, который основалъ величайшую въ мірѣ имперію, объединилъ всѣхъ туранцевъ и хотѣлъ иранизированныхъ турокъ Запада снова сдѣлать монголами. Пантюркисты радѣютъ о возрожденіи старотюркской культуры: султана зовутъ хаканомъ, новорожденнымъ даютъ старотюркскія имена: Огузъ, Тогрулъ, Эртогрулъ, пьютъ кумысъ и разводятъ верховыхъ лошадей, возрождаютъ старотюркскую комедію, музыку, пѣсню. Расширеніе пантюркизма въ пантуранизмъ нужно пантюркистамъ, чтобы доказать способность турокъ къ прогрессу. Правда, пантюркисты ссылаются на турецкую революцію, на коммерческія дарованія азербейджанскихъ и казанскихъ татаръ, но сами сознаютъ неполную убѣдительность своихъ ссылокъ. А среди угро-финнскихъ народностей есть два народа, усвоившихъ себѣ европейскую культуру, финны и венгры, которыхъ пріятно назвать родственниками въ доказательство прогрессивности всѣхъ туранцевъ. Любопытно, что пантюркизмъ плѣнилъ нѣкоторыхъ болгарскихъ славянофобовъ. Стараясь прикрасить непривлекательную „реалистичность“ болгарской внѣшней политики послѣднихъ лѣтъ, они оправдываютъ себя тѣмъ, что они вовсе не славяне, а слегка ославяненные тюрки. Но эти новоявленные туранцы—плохіе туранцы: свои туранскія чувства они изливаютъ на славянскомъ языкѣ. И сами они, и ихъ турецко-нѣмецкіе друзья плохо вѣрятъ въ болгарскій туранизмъ.

Какъ относятся оттоманскіе турки къ проповѣди панисламизма и пантюркизма? Они колеблются и не могутъ не ко-

лебаться. Проповѣдь панисламизма и пантюркизма представляетъ для турокъ и большія выгоды и большія опасности. Турція долгое время была большой имперіей, въ которой оттоманское національное ядро властвовало надъ пестрою и разновѣрною совокупностью покоренныхъ народностей. Даже теперь Турція при всей своей слабости сохранила обликъ разновѣрной и разноплеменной имперіи и не можетъ становиться ни на чисто мусульманскую, ни на чисто тюркскую точку зрѣнія. Основная цѣль турокъ—спасти господство оттомановъ надъ распадающейся имперіей, а для этой цѣли они мечтаютъ воспользоваться и панисламизмомъ и пантюркизмомъ. И при Абдулъ-Гамидѣ и при младотуркахъ турецкая политика есть прежде и больше всего оттоманизмъ, но оттоманизмъ, осложненный панисламизмомъ, а при младотуркахъ и пантюркизмомъ. Пока и поскольку турецкій султанъ признается халифомъ въ мірѣ ислама, постольку панисламизмъ выгоденъ для турокъ. Но лишь до тѣхъ поръ и постольку. Всемусульманскій халифатъ турецкаго султана не есть что-нибудь незыблемое или даже просто очень старое. Халифатъ, какъ духовное, отличное отъ свѣтскаго, властительство, какъ своего рода папство, возникаетъ въ мірѣ ислама только въ концѣ IX вѣка и переживаетъ рядъ превращеній. Напримѣръ, при Тимурѣ слагается представленіе, будто всякій сильный мусульманскій государь есть одновременно и халифъ, намѣстникъ Бога. Халифатъ оттоманскихъ султановъ несомнѣнно связанъ съ такимъ представленіемъ, вытекъ изъ обаянія великихъ оттоманскихъ завоеваній XV, XVI и XVII вѣка. Только въ XVIII вѣкѣ сложилась легенда, будто оттоманскій завоеватель Египта Селимъ I получилъ халифатъ отъ жившаго въ Египтѣ послѣдняго аббасидскаго халифа Мутеваккиля, нужно замѣтить аббасида весьма подозрительной подлинности. Шіиты считаютъ оттоманскихъ султановъ не халифами, а еретиками и самозванцами. Но и въ суннитскомъ мірѣ нѣтъ догматическихъ препятствій къ переносу и дробленію халифата. Не потому турецкій султанъ пользуется большимъ авторитетомъ въ мусульманскомъ мірѣ, что онъ халифъ, а потому онъ халифъ, что онъ самый сильный мусульманскій государь, надежда тоскующаго по мірообладанію ислама. Если бы появилось въ другомъ мѣстѣ сильное и независимое мусульманское государство, вѣроятно, появился бы и новый халифъ. И тогда турки первые возстали бы противъ его панисламистскихъ притязаній. Ибо ихъ панисламизмъ находится на службѣ у оттоманскаго эгоизма. Пока и поскольку пантюркисты будутъ считать оттомановъ своими духовными и политическими вождями, пока они будутъ тяготѣть къ оттоманской столицѣ, оттоманы будутъ охотно памятовать о своемъ тюркскомъ и туранскомъ достоинствѣ. Но стоитъ пан-

тюркистамъ и пантуранистамъ перемѣнить направленіе своихъ мечтаній, напримѣръ, возложить свои надежды вмѣсто Стамбула на монголовъ и оттоманы быстро забудутъ о пантюркизмѣ и снова съ высоты своего европеизма будутъ презирать соплеменныхъ себѣ кочующихъ и варварскихъ потомковъ Чингисхановой конницы.

Панисламизмъ и пантюркизмъ противорѣчатъ другъ другу. Нельзя долго и безнаказанно съ одной стороны взывать къ объединенію всѣхъ правовѣрныхъ мусульманъ, бѣлыхъ, желтыхъ, коричневыхъ и черныхъ, а съ другой—мечтать о созданіи всетюркской имперіи, въ которой вдобавокъ цвѣтной нетюркъ-суннитъ первенствовалъ бы надъ бѣлымъ тюркомъ-шіитомъ. Противорѣчіе подобныхъ призывовъ должно раскрыться въ свое время и подорвать вѣру въ самые призывы. А теперешніе хозяева Оттоманской имперіи запутались и въ другихъ противорѣчіяхъ. Они хотятъ возродить исламъ, а ихъ собственная принадлежность къ исламу въ глазахъ мусульманъ старовѣрческой складки является сомнительной. Горячіе патріоты, взволнованные быстро надвигающимся торжествомъ европейскаго и христіанскаго міра, вдохновленные примѣромъ Японіи, они рѣшили пересадить европейскую культуру въ міръ ислама для того, чтобы защитить исламъ отъ Европы; они являются одновременно и самобытниками и европеизаторами. Вскормленные въ преклоненіи предъ французскимъ якобинствомъ и англійскимъ либерализмомъ, они сочли своихъ наставниковъ своими врагами и возложили свою послѣднюю надежду на нѣмцевъ, которые изъ ихъ союзниковъ быстро стали ихъ господами. Когда они воевали съ балканскими христіанами, они не объявляли джихада; когда они вступили въ союзъ съ гяурами, халифъ поспѣшилъ поднять зеленое знамя. Это обиліе противорѣчій въ оттоманской политикѣ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о тяжести переживаемаго мусульманскимъ міромъ недуга. Трагическая печать легла на челѣ враждебной намъ Турціи еще яснѣе, чѣмъ на челѣ враждебной намъ Германіи. И чтобы пожалѣть турокъ, не приходится дѣлать того усилія, безъ котораго нельзя побороть невольной и законной антипатіи къ нѣмцамъ, стать справедливымъ даже къ нѣмцамъ. Турокъ легко пожалѣть и понять. Въ настоящее время они не захватываютъ чужое, а отстаиваютъ свое. Пусть они заслужили свою судьбу; они все-таки умаляются, а не растутъ. Недавніе повелители мощной имперіи, хозяева Ближняго востока и сѣверной Африки, они растеряли свою имперію, и самое существованіе оттоманскаго національнаго государства въ глазахъ турокъ не является вполнѣ обезпеченнымъ.

Въ послѣдніе годы, съ включеніемъ Персіи въ англійскую и русскую сферу вліянія, съ триполитанскою и балканскою войною среди мусульманъ чрезвычайно обострилась тревога

за исламъ. Порою она бывала такъ сильна, что недавніе враги пробовали подать другъ другу руки, сплотиться. Среди младоперсовъ-шіитовъ объявились горячіе сторонники союза съ турками-суннитами. Въ 1913 году новый шіитскій шейхъ уль-исламъ совѣтуетъ всячески поддерживать турокъ. Сумѣвшіе ужиться съ арабами Геджаса, турки ведутъ вѣковую борьбу съ шіитами Йемена. Въ разгаръ первой балканской войны турки продолжали воевать съ йеменскимъ имамомъ Yaḥyâ. Въ августѣ 1913 г. йеменская депутація является въ Константинополь и торжественно заявляетъ о своихъ лояльныхъ чувствахъ къ султану. По признанію самого лорда Кромера, младоегиптяне тяготѣютъ къ младотуркамъ; вождь египетскихъ національнстовъ Мухаммедъ Фаридъ поселился въ Стамбулѣ; а теперешняя война заставила осѣсть въ Стамбулѣ и послѣдняго египетскаго хедива. Но положеніе ислама такъ тяжело, что мусульмане плохо вѣрятъ въ свои силы, ищутъ помощи противъ гяуровъ у самихъ гяуровъ. Если бы въ политикѣ можно было слѣдовать влеченію сердца, младотурки пошли бы въ Парижъ, а не въ Берлинъ. Европеизація Ближняго, турецкаго и персидскаго, востока связана съ Парижемъ и Лондономъ, особенно съ Парижемъ, много тѣснѣе, чѣмъ съ Берлиномъ и Вѣною. Живущее грезами о возрожденіи былого турецкаго величія младотурецкое движеніе выросло въ духовной атмосферѣ Парижа. Но французы стали врагами ислама. Младоегиптяне долго тяготѣли къ Парижу. Англо-французское соглашеніе 1904 г. нанесло жестокій ударъ ихъ франкофильству. Въ 1910 г. французское правительство, въ угоду Англіи, воспретило младоегиптянамъ устроить конгрессъ въ Парижѣ; младоегиптяне поневолѣ стали германофилами. Въ 1912 г. Франція окончательно установила свой протекторатъ надъ недавно независимымъ Марокко и тѣмъ окончательно потеряла симпатіи честолюбивыхъ возродителей ислама. А Франція теперь еще наименѣе опасная для нихъ держава тройственнаго согласія. Англія и Россія грозятъ мусульманской политической самобытности новыми опасностями: Россія въ сѣверной Персіи, въ Арменіи, на проливахъ у вратъ Царьграда; Англія въ Аравіи, Месопотаміи и южной Персіи. Можно и должно удивляться лжехитрому германофильству болгарскихъ политиковъ, ибо для ихъ нѣмцелюбія трудно подыскать разумныя основанія. Но въ союзѣ младотурокъ съ нѣмцами нѣтъ ничего удивительнаго. Желѣзная сила вещей толкала Энвера въ ученики и подчиненные къ фонъ-деръ-Гольцу. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ младотурецкихъ офицеровъ нельзя отрицать внутренней, профессіональной тяги къ нѣмцу, преклоненія передъ нѣмецкою военною мощью. Едва ли они полюбили нѣмца: это дѣло слишкомъ трудное. Но они уважаютъ нѣмецкую армію и надѣются спастись при ея поддержкѣ.

Нѣмцы съ чрезвычайною готовностью пошли навстрѣчу туркамъ и устремили свой благосклонный взоръ на страждущихъ мусульманъ еще до того, какъ стали считать себя жертвою Эдуардова окруженія. Еще въ 1898 г. Вильгельмъ во время своего сирійскаго путешествія выступаетъ въ Дамаскѣ у гробницы Саладина съ торжественнымъ заявленіемъ: „Пусть султанъ и триста милліоновъ мусульманъ, почитающихъ въ султанѣ халифа, будутъ увѣрены, что всегда и вездѣ германскій императоръ будетъ ихъ другомъ". 31 марта 1905 г. Вильгельмъ высаживается въ Танжерѣ и встрѣченъ съ большимъ почетомъ. Немудрено. Марокканцы воюютъ съ французами, а Вильгельмъ обѣщаетъ защищать интересы нѣмцевъ въ *свободной* странѣ, то-есть отстаивать независимость Марокко отъ французскихъ посягательствъ. Завязавшаяся при Абдулъ-Хамидѣ нѣмецко-турецкая дружба крѣпнетъ при младотуркахъ. Быстро подавивъ въ апрѣлѣ 1909 г. контръ-революціонный переворотъ, Махмудъ-Шефкетъ паша торопится заявить, что турецкая армія обязана всѣмъ своему нѣмецкому учителю. Въ октябрѣ 1910 г. младотурецкій митингъ въ Константинополѣ рѣзко осуждаетъ персидскую политику Англіи и шлетъ привѣтственную телеграмму Вильгельму, покровителю мусульманъ. Бернгарди придаетъ огромную важность сближенію нѣмцевъ съ турками: нельзя останавливаться ни передъ какими жертвами для того, чтобы сдѣлать турокъ союзниками нѣмцевъ въ случаѣ войны съ Англіей или Россіей. Мы знаемъ, что нѣмцы не остановились передъ жертвами. Бернгарди — высокаго мнѣнія о турецкой арміи и особенно о боевыхъ качествахъ турецкаго солдата. Но особенно много надеждъ возлагали нѣмцы на обаяніе халифа и всемусульманское недовольство. Бернгарди разъясняетъ своимъ соотечественникамъ, что только Турція можетъ серьезно грозить Англіи въ Египтѣ съ суши, что въ Индіи возможно совмѣстное возстаніе мусульманъ и индусовъ-націоналистовъ. Союзники сильно разсчитывали на панисламистское движеніе въ Азербейджанѣ и Закавказьѣ. Съ чисто-военной точки зрѣнія добровольное, вовсе не навязанное турко-нѣмцамъ дробленіе турецкихъ силъ между египетскимъ и кавказскимъ фронтомъ—безсмыслица. Оно объясняется условіями политическими, глубокою вѣрою въ халифатъ и всемусульманское недовольство.

Нѣмцы и здѣсь выказали себя плохими психологами. Священную войну они считали крупнымъ козыремъ въ своей игрѣ. Но они не сумѣли поставить ее какъ слѣдуетъ, внушить мусульманамъ довѣріе къ серьезности священной войны. Помогать туркамъ деньгами, снарядами, техниками, офицерами, кораблями было необходимо. Но нужно было дѣлать это тайкомъ, переодѣвать лейтенантовъ въ турецкое облаченіе, учить ихъ турецкому и арабскому языку, пере-

вести ихъ хотя бы на время въ турецкую вѣру. Нужно было разыграть пьесу такъ, какъ будто халифъ одними силами ислама обороняется противъ нечестивыхъ завоевателей. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ повѣрить въ священную войну, когда явные гяуры помыкаютъ правовѣрными, когда площади Стамбула оглашаются нѣмецкой командой. Впрочемъ и при хорошей игрѣ нѣмцы и турки вѣроятно разочаровались бы въ своихъ разсчетахъ. Трудно сомнѣваться въ томъ, что въ тайникахъ сердца многіе правовѣрные за предѣлами Турціи сочувствуютъ турецкому горю. Но вылиться въ военную поддержку такое сочувствіе могло бы развѣ только послѣ очень крупныхъ турецкихъ побѣдъ, т.-е. тогда, когда военная поддержка стала бы ненужной. Даже тогда многіе мусульмане долго раздумывали бы, прежде чѣмъ измѣнить своей присягѣ и объявить себя подданными халифа. Порядки нашего Закавказья очень далеки отъ совершенства. Но мусульманамъ Закавказья подъ русскимъ „игомъ“ живется много лучше, чѣмъ ихъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ по ту сторону Аракса. „Угнетенные“ мусульмане Заволжья съ гордостью указываютъ на свое культурное превосходство надъ „свободнымъ“ населеніемъ Малой Азіи. Даже турки и нѣмцы сознаются, что британское „ярмо“ принесло феллахамъ блага твердаго правопорядка и хозяйственнаго подъема. Къ счастью для насъ и для нашихъ союзниковъ, военныя событія принесли нашимъ врагамъ глубокое разочарованіе на мусульманскихъ театрахъ. Ни наши мусульманскіе подданные, ни подданные нашихъ союзниковъ не подверглись сильному искушенію. Уже въ концѣ прошлаго года сирдаръ, серъ Реджинальдъ Уингетъ, писалъ своей женѣ, что она можетъ спокойно ѣхать къ нему въ Египетъ. На европейскомъ театрѣ войны намъ и нашимъ союзникамъ предстоятъ еще огромныя и долгія усилія. Но нѣмецкая ставка на Турцію, на панисламизмъ, уже бита, и бита безповоротно. Англо-французскій флотъ уже стучится въ ворота Царьграда, къ которымъ въ надлежащее время подойдетъ и русская военная сила. Но мы увѣрены, что враги Турціи будутъ къ ней великодушнѣе, чѣмъ ея мнимые друзья-нѣмцы. Постараемся же, чтобы послѣ войны наши сограждане-мусульмане еще явственнѣе прежняго сознавали полную возможность своего хозяйственнаго, правового, образовательнаго преуспѣянія въ Россійской имперіи. Не будемъ скрывать отъ себя, что послѣ той побѣды, въ которую мы всѣ твердо вѣримъ, насъ ждетъ искушеніе гордыни, опасность упоенія своею военно-политическою мощью и что такое самодовольство станетъ особенно опаснымъ, если Россія не будетъ ревниво блюсти себя отъ приближенія къ типу лжеимперіи нѣмецкаго образца. Мы должны памятовать, что въ Россійской имперіи мощное русское національное ядро

будутъ соблазнять идоломъ огромнаго національнаго государства. На идольское мѣсто мы должны поставить идеалъ подлинной имперіи, идеалъ всеединства, единства во множествѣ, живомъ и радостномъ многообразіи, желающемъ и умѣющемъ сочетать твердое и непреложное политическое преобладаніе русской народности съ искреннимъ уваженіемъ къ правамъ народностей нерусскаго меньшинства. Русскій имперіализмъ уже помогаетъ намъ одолѣвать нѣмца. Пусть онъ же поможетъ намъ преодолѣть наши внутренніе недуги, одержать тѣ внутреннія побѣды надъ нашей отсталостью, которыхъ мы ждемъ послѣ внѣшнихъ побѣдъ надъ нѣмецкой гордыней и нѣмецкой жестокостью. Пусть закаленная всенароднымъ подъемомъ войны имперіалистическая и великая Россія твердо и неуклонно пойдетъ тѣмъ путемъ, который дастъ ей право и на своей имперіалистической храминѣ начертать гордый девизъ: imperium et libertas.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

43-58

Цѣна 20 коп.

1 р.

Вышли изъ печати изданія К-ва „ТРУДЪ“.

Проф. **Шарль ЖИДЪ. Исторія экономическихъ ученій.** Авториз. переводъ В. Сережникова подъ ред. прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. Ц. 3. р.

Дж. ХОЛІОКЪ. Исторія Рочдэльскихъ піонеровъ. Переводъ съ англ. С. Цедербаума подъ ред. прив.-доц. В. Тотоміанца. Ц. 1 р. 50 к.

Е. ВЕББЪ. Жизнь великихъ людей. (Герои и друзья кооперації). Переводъ съ англійскаго М. Розенфельдъ, подъ ред. пр.-доц. В. Тотоміанца. Съ портретами и рисунками въ текстѣ. Ц. 75 к.

Ж. МЕЛИНЪ. Назадъ къ землѣ. Переводъ съ франц. А. Таль, подъ ред. и съ пред. прив.-доц. В. Тотоміанца. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. **Г. РАДБРУХЪ. Введеніе въ науку права.** Со вступительной статьей Б. Кистяковскаго. Ц. 1 р. 25 к.

А. ГУРЕВИЧЪ. Философскія изслѣдованія и очерки. Посмертное изданіе съ портретомъ автора, подъ редакціей и съ предисловіемъ С. Л. Франка. Ц. 2. р. 50 к.

ШАРЛЬ ЛАЛО. Введеніе въ эстетику. Переводъ съ французскаго подъ ред. пр.-доц. Н. В. Самсонова. Ц. 1 р. 75 к.

Проф. **Р. ВИЛЬБРАНДЪ. Значеніе потребительныхъ обществъ.** Переводъ подъ ред. прив.-доц. В. Тотоміанца. Ц. 20 к.

Проф. **Э. МИЛЬО. Общественная экономія.** (Наука о публичномъ хозяйствѣ). Переводъ съ франц. В. Попова, подъ ред. и съ пред. М. Д. Загряцкова. Ц. 20 к.

Проф. **Ф. КОЛЕТТИ. Дороговизна.** (Ея причины и мѣры борьбы съ нею). Ц. 30 коп.

Проф. **А. Н. САВИНЪ. Война Имперій и міръ Ислама.** Публичная лекція. Ц. 20 коп.

К. ЖИТОМІРСКІЙ. Молохъ XX вѣка. (Правописаніе). Ц. 1 р.

К. ЖИТОМІРСКІЙ. Какъ же учить читать? Ц. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ

Проф. **В. ВЫГОДЗИНСКІЙ. Кооперація въ Германіи.** Переводъ подъ ред. пр.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. Цѣна 2 руб. 50 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

МОСКВА, Бол. Якиманка, 32. Тел. 1-06-87.

Типо-литографія Торг. Домъ И. Ефимовъ, Н. Жолудкова и Ко. Больш. Якиманка, д. 32.